
КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

1

Афинянин. После этого, следовало бы нам внести надлежа- 913
щий порядок в деловые взаимоотношения людей. Основное
правило здесь простое: пусть никто, по мере возможности, не
касается моего имущества и не нарушает моей собственности,
даже в самой малости, раз нет на то моего особого каждый
раз разрешения. И я буду точно так же относиться к чужой соб-
ственности, пока я в здравом уме.

Поговорим прежде всего о таких сокровищах, которые кто-
либо отложил и припрятал для себя или для своих близких.
Если это не кто-либо из моих предков, то я никогда не стал бы
молить богов о том, чтобы мне найти такой клад; а если бы
нашел, я не тронул бы его; с другой стороны, я не стал бы со-
общать об этом так называемым прорицателям, которые, так В
или иначе, посоветовали бы мне изъять из земли этот вве-
ренный ей залог. Дело в том, что при таком изъятии я не так
много выиграю в имущественном стяжании; гораздо больше по-
лучу я перевеса и преуспею в душевной добродетели и в спра-
ведливости, если воздержусь от такого изъятия. Стяжание вместо
стяжания — лучшее в лучшей области — стяжаю я себе, если ско-
рее предпочту стяжать правосудие в душе, чем богатство в иму-
ществе. Пусть то, что прекрасно говорится применительно ко
многим случаям — именно не нарушать ненарушимого, — будет
применено и в данном случае, как в одном из их числа.

К тому же надо верить и передаваемым об этом сказаниям, C
что все это не приносит пользы потомству. Но если встретится
человек, не заботящийся о потомстве, который, не обратив
внимания на законодателя, присвоит себе вещь, не им отложен-

ную и не кем-либо из его предков, притом без разрешения на то со стороны лица отложившего, то он нарушит не только самый прекрасный и простой из законов, но нарушит также и законоположение далеко не неблагородного мужа, сказавшего: не бери себе то, что не ты отложил¹⁰⁷. Если человек презрит D
обоих этих законодателей и присвоит себе вещь, не им самим отложенную, к тому же не малость какую-нибудь, но, как это бывает, очень большие ценности, — то что он должен потерпеть? Со стороны богов — об этом знает бог. Но первый, кто заметит этого человека, должен донести об этом астиномам, если это произойдет в городе, или же агораномам, если это случится где-либо на городской торговой площади, или же, наконец, агрономам и их начальникам, если это произойдет где-либо в другом месте страны. Когда об этом будет объявлено, государство пусть обратится в Дельфы и, что бог решит относительно денег и лица их присвоившего, то пусть и исполнит государство, помогая прорицаниям бога.

В случае донесения, свободорожденный человек стяжает славу за свою добродетель, в обратном случае прослышет порочным. Если же донесет раб, то государство имеет основание дать ему свободу, выплатив соответственную сумму его хозяину; если же раб не донесет, он будет наказан смертью.

B
Вслед за этим установим дальнейшее узаконение, одинаково касающееся как крупных, так и мелких вещей. Если кто нарочно или нечаянно потеряет что-либо, ему принадлежащее, то пусть тот, кто найдет этот предмет, оставит его лежать, считая, что божество дорог охраняет те вещи, которые закон посвятил этой богине¹⁰⁸. Если же, вопреки этому, какой-либо ослушник поднимет эту вещь и унесет к себе домой, то в случае, если это сделает раб, и предмет малоценен, пусть первый встречный, не моложе тридцати лет, накажет его многими ударами. Если же C
это кто-либо из свободорожденных людей, то, кроме того, что он прослышет человеком недостойным этого звания, как непричастный законам, пусть он выплатит владельцу сумму, в десять раз превышающую стоимость взятого предмета.

Если кто станет обвинять другого человека, будто у того находится большая или меньшая часть его имущества, и тот, обвиняемый, признает, что у него действительно это есть, но

что это вовсе не принадлежит обвинителю, то пусть обвинитель, если только его законная собственность записана у правителей, вызовет обвиняемого пред лицо власти, а тот пусть явится: Когда дело будет оглашено, и, по рассмотрении записей, обнаружится, кому из них принадлежит спорный предмет, то владелец пусть вступит в свои права и удалится. Если же окажется, что предмет принадлежит кому-нибудь другому, здесь не присутствующему, то пусть тот, кто представит за отсутствующего надежного поручителя, в том, что тот отдаст спорный предмет по принадлежности, возьмет его себе. Если же спорный предмет не окажется внесенным в записи правителей, то пусть он находится у трех старших из правителей до судебного разбирательства. Если отданный на поруки предмет — домашнее животное, то пусть сторона, выигравшая судебное дело, заплатит правителям за его содержание. Правители же произведут судебное разбирательство в течение трех дней.

2

Всякий желающий, находящийся в здравом уме, может задерживать своего раба и пользоваться им как угодно, лишь бы только это не нарушало благочестия. Можно также задерживать беглого раба своих родственников или друзей, действуя в защиту сохранения их собственности. Если же в то время, как раб задерживается, кто-либо даст ему вольную, пусть тот, кто задерживает, предоставит этому осуществиться; тот же, кто дает вольную, пусть представит трех надлежащих поручителей — только так он может дать вольную, никак не иначе. Если же кто, вопреки этому, отпустит на волю раба, то он будет повинен в насилии и, если будет уличен, должен выплатить пострадавшей стороне сумму, вдвое большую обозначенного истцами убытка.

Можно также задерживать и вольноотпущенников, если кто из них недостаточно или вовсе не заботится об отпустивших их на свободу. Эта забота заключается вот в чем: вольноотпущенник должен три раза в месяц навещать очаг отпустившего его на волю, предлагая ему свои услуги для исполнения всего, что

только справедливо и, вместе с тем, возможно. Точно так же и вступать в брак он должен лишь с согласия бывшего своего господина. Равным образом вольноотпущеннику не разрешается стать богаче отпустившего его на свободу; излишек пусть будет B собственностью господина. Вольноотпущенник не должен оставаться в государстве более двадцати лет; по прошествии этого времени, пусть он, подобно остальным иностранцам, удалится, захватив с собою все свое имущество, если только не получит разрешения на дальнейшее пребывание со стороны правителей и того, кто его отпустил на свободу. Если же имущество вольноотпущенника или кого-либо из остальных иностранцев возрастет до такой степени, что превысит имущественный ценз граждан третьего класса, то, в течение тридцати дней, начиная C с того дня, как оно превысило, он должен удалиться, взяв то, что ему принадлежит; правители не должны соглашаться ни на какие его просьбы о разрешении ему дальнейшего пребывания. Ослушники пусть подвергнутся суду и, в случае признания виновности, будут наказаны смертью; имущество их будет отобрано в пользу государства. Подобные дела должны подлежать суду фил, если только обе стороны не освободятся еще до того от взаимных обвинений, при посредстве суда соседей или выбранных судей.

Если кто заявит притязание на какое-либо домашнее животное или на какую-нибудь другую, якобы принадлежащую ему вещь, то владелец пусть приведет его к достойному доверия D и справедливому лицу, которое ему этот предмет продало, подарило или же передало каким-либо другим правомочным способом. Если это лицо гражданин или метек из числа живущих в государстве, то пусть он это сделает в течение тридцати дней; если же дело идет относительно переданного иностранцем, то — в течение пяти месяцев, из которых на средний приходится поворот солнца от лета к зиме.

Всякий взаимный обмен, производимый путем купли и продажи, должен происходить на особо для каждого отведенном месте на городской площади. Стоимость должна быть выплачена E непременно тут же; всякая купля и продажа в кредит запрещается. Если какой-либо обмен происходит другим способом или в другом месте и продавец оказывает кредит покупателю,

они могут это делать, но пусть знают, что, по закону, не принимаются никакие обращения в суд со стороны людей, не исполняющих только что указанного требования.

То же самое и относительно товариществ на паях: желающие могут их устраивать среди друзей; но если возникнет какое-либо разногласие по поводу взносов, то надо знать, что никто и никоим образом не может начать судебного дела об этом.

Тот, кто продает на сумму не менее пятидесяти драхм, обязан переждать в городе десять дней; покупатель должен знать ⁹¹⁶ местожительство продавца, в виду обычных в подобных случаях нареканий и на случай законного возвращения покупки. Возврат будет законным или незаконным по следующим признакам. Если кто продает раба: чахоточного, страдающего камнями, затрудненным мочеиспусканием, больного так называемую священную болезнь¹⁰⁸ или каким-либо другим, скрытым от большинства, тяжким и трудноизлечимым телесным или душевным недугом, то, если покупатель — врач или учитель гимнастики, возврата быть не может; равным образом и тогда, если продавец ^B заранее предупредил об этом покупателя. Если же покупателем является простой обыватель, а продавец, наоборот, сведущ в болезнях, покупку можно возвратить в течение шести месяцев. Исключением является священная болезнь, — тогда в течение одного года. Дело подлежит разбирательству выбранных сообща обеими сторонами врачей. Виновный должен уплатить двойную стоимость покупки. В случае, если и покупатель и продавец простые обыватели, возврат и судебное разбирательство ^C должны совершаться так же, как и в только что указанном случае, но виновный должен выплатить просто стоимость покупки.

Если же проданный раб — убийца, а покупатель и продавец оба знали это обстоятельство, то возврата не может быть при такой продаже. Если же покупатель ранее не знал, то, лишь только он это заметил, он может вернуть раба. Дело должно подлежать суждению пяти младших законохранителей. Если будет признано, что продавец знал это обстоятельство, он должен произвести очищение дома покупателя, согласно закону истолкователей, и выплатить ему втрое стоимость раба. ^D

3

При обмене денег на деньги или на что-либо другое, — живность ли то или нет, — надо давать и принимать все это неподдельным и следовать в этом закону. И относительно этого желательно вступление, как и при других законах.

Всякий человек должен считать чем-то однородным и подделку, и ложь, и обман; между тем толпа обычно высказывает совершенно превратный взгляд, будто иной раз — и даже нередко — это вполне правильно, раз совершается кстати; при этом остается не установленным и не определенным, когда же именно и где это бывает кстати. Большинство людей из-за этого своего взгляда и сами во многом терпят ущерб и причиняют его другим. Законодателю непозволительно оставить это не определенным, но всегда должно ясно определить тут более или менее широкие границы. Поэтому и мы сейчас это определим.

917 Кто не желает стать в высшей степени богоненавистным, пусть ни словом, ни делом не допускает никакой лжи, обмана или подделки, призывая в свидетели род богов; а ведь таковым бывает тот, кто клянется ложными клятвами, ничуть не заботясь о богах; затем тот, кто лжет в присутствии тех, кто стоит выше него. Лучшие люди выше худших; старцы, говоря вообще, выше юношей. Поэтому и родители выше детей, мужчины выше женщин и детей, правители выше управляемых. Ко всем им все должны относиться с почтением, как когда они отправляют вообще какие-нибудь должности, так в особенности — должности государственные, что и составляет исходный пункт нашей нынешней беседы. Всякий, продающий на рынке что-либо поддельное, В лжет и обманывает; призывая в свидетели богов, он клятвами нарушает законы и предостережения агораномов, не стыдясь людей и не почитая богов. Вообще прекрасно обыкновение — не призывать всуе имен богов, раз находишься в таком состоянии по отношению к богам — в смысле чистоты и непорочности, — в каком нередко бывает большинство из нас. Кто не убежден всем этим, так вот закон: торгующий чем-либо на рынке никогда не должен назначать двух цен своему товару,

а только одну и единственную. Если по этой оценке он не найдет покупателя, то он в праве унести свой товар с рынка; но в один и тот же день он не должен расценивать свой товар то дороже то дешевле¹¹⁰. И пусть не будет расхваливания и клятв относительно всего того, что продается. Ослушника же первый встречный горожанин, достигший тридцати лет, имеет право бить безнаказанно, карая его за его клятвы. Кто не станет повиноваться и пренебрежет этим своим правом, тот будет подвергнут хуле, как изменник законам. Если кто окажется не в силах послушаться наших нынешних слов и станет продавать что-либо поддельное, то первый, узнавший об этом, встречный пусть изобличит его, если только может, пред правителями. Раб или метек в этом случае получает в свою собственность подделанный товар; гражданин же объявляется дурным гражданином, ибо он выходит из повинования богам, раз он не изобличает; если же гражданин изобличил, то он должен посвятить подделанный товар богам, покровителям рыночной площади.

Продавец, обличенный в подделке, кроме того, что лишается своего подделанного товара, будет еще наказан глашатаем на рыночной площади столькими ударами бича, сколько драм требует продавец за свой товар, причем глашатай огласит, за что тот подвергается этому наказанию.

Агораномы и законохранители, справляясь относительно каждого отдельного случая подделки и злого обмана у людей сведущих в этом, должны письменно определить, что надлежит делать продавцу и чего не надлежит. Плиту, на которой написаны эти законы, они должны поставить перед агораномием¹¹¹, так чтобы все люди, имеющие дело на рынке, видели их ясно.

Относительно астиномов достаточно сказано выше. Если, однако, покажется, что нужны еще добавления, то пусть астиномы, опять-таки сообщая с законохранителем, запишут то, что кажется пропущенным, на плите, поставленной в астиномии и содержащей как основные, так и дополнительные узаконения, касающиеся их должности.

4

За подделкой следуют по пятам занятия мелкой торговлей. Относительно этого предмета во всем его объеме мы дадим сперва совет и приведем разумные доводы и уже после того установим закон.

В Всякая мелкая торговля, по своей природе, вовсе не направлена ко вреду государства, — совсем напротив. Разве не является благодетелем всякий, кто приводит к соразмерности и единообразию любую разнообразную и несоразмерную собственность? Мы должны признать, что это происходит именно вследствие денежного обращения; равным образом этому способствуют купцы, наемные рабочие, содержатели гостиниц и представители других занятий, из которых одни более, другие менее благосвидны. Все это может помочь удовлетворению наших потребностей и привести к единообразию нашу собственность. В чем же причина, что все это занятие не признано ни прекрасным, ни благовидным, и почему оно на дурном счету? Рассмотрим это, чтобы хоть отчасти, если уже не в целом, исправить его путем закона. Дело это, повидимому, не легкое и требует не малой добродетели.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Дорогой Клиний, лишь небольшая часть исключительных по своей природе людей, получивших превосходное воспитание, может держать себя в надлежащих пределах, когда сталкивается с какими-нибудь потребностями и страстями; эти люди могут остаться трезвыми, когда представляется возможность добыть много денег, могут предпочесть умеренное многому. Огромное большинство людей поступает как раз наоборот: их желания неумеренны, и, хотя возможно извлекать умеренную прибыль, они предпочитают ненасытную прибыль.

Вот почему находятся на плохом счету и признаются чрезвычайно постыдными занятия мелкого торговца, крупного купца и содержателя гостиницы. Но если бы кто-либо (чего да не случится и чего никогда не будет!) принудил — это смешно сказать, однако, все-таки пусть будет сказано — людей, во всех отношениях наилучших, заняться на некоторое время корчмар-

ством, мелкой торговлей или вообще чем-либо тому подобным¹¹², или если бы женщинам суждена была необходимость принять участие в этих занятиях, мы узнали бы в таком случае, как хороши и желательны все эти занятия. И если бы они не подвергались извращению, но совершались на разумных основаниях, то пользовались бы почетом, каким пользуются матери или кормилицы. Но в наши дни содержатели гостиниц, ради мелкой торговли, строят свои жилища в местах пустынных, где скрещивается много дорог; здесь дают они желанный приют нуждающимся в нем путникам, доставляют им теплый и безмятежный кров, если те бывают гонимы сильными зимними бурями, или — прохладный отдых, если со двора гонит зной. Но затем содержатель гостиницы вовсе не считает, что он принял своих друзей и, вследствие этого, оделил их дружескими подарками; нет, он относится к ним, как к попавшимся в плен врагам, и отпускает их на волю лишь за огромный, несправедливый и грязный выкуп. Вот эти-то и тому подобные заблуждения во всех таких делах и были причиною, что подобные занятия правильно признаются на плохом счету, хотя они должны были бы помогать людям в их затруднительном положении. Так вот и для этого, как и всегда, законодателю надо приготовить лекарство.

Впрочем, правильно и уже давно сказано, что трудно сражаться с двумя, да еще и с противоположными, бедами¹¹³, как это бывает при болезнях и во многих других случаях. И теперь законодателям тоже предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством; последнее извратило роскошью душу людей, первая скорбью вскормила душу на бесстыдство. Как же помочь этой болезни в разумном государстве? Во-первых, по мере сил, надо пользоваться как можно меньшим числом торговцев; во-вторых, это занятие надо предоставить таким людям, чья испорченность не причинила бы великого вреда для государства; в-третьих, надо изобрести средство для самих занимающихся этим делом, чтобы их поведение не слишком легко могло обратиться в бесстыдство и низость. После этих нынешних соображений по данному вопросу, установим, в добрый час, следующий закон: из магнетов, поселение которых, для преуспевания, снова устраивает бог, пусть ни один земледелец из тех, что входят в состав пяти тысяч сорока очагов, не становится по

добрый воле, или против воли, ни мелким торговцем, ни крупным купцом; пусть никто не оказывает каких-либо услуг частным лицам, занимающим иное, чем он сам, общественное положение; исключение составляют отец, мать, их родственники по восходящей линии, все вообще старшие, если они свободорожденные люди и живут действительно так, как это свойственно последним. Впрочем, нелегко точно разграничить законом то, что свойственно свободорожденным людям, и то, что свойственно несвободорожденным. Судить об этом будут люди, получившие отличия за свою добродетель, причем они будут основываться на своем отвращении ко второму или на своей склонности к первому. Если же кто, прибегнув к какой-либо уловке, станет заниматься не свойственной свободорожденным людям торговлей, то всякий желающий пусть возбудит против него обвинение в своего рода посрамлении перед лицами, признанными выдающимися в смысле добродетели. Если окажется, что этот человек действительно запятнал свой отеческий очаг недостойным занятием, то, путем годичного заключения, его принуждают отказаться от него. В случае повторения — два года заключения; вообще при каждом задержании беспрестанно удваивается время заключения, по сравнению с предшествующим.

А вот и второй закон: тому, кто собирается торговать, надо быть метеком или иностранцем. В-третьих, следующий третий закон: в лице торговца мы должны иметь в нашем государстве сожителя как можно лучшего или, по крайней мере, как можно менее плохого. Поэтому законохранителям надо рассудить, что они являются охранителями не только тех людей, которых легко охранить от нарушений закона и испорченности; ведь такие люди и без того хорошо подготовлены как своим происхождением, так и воспитанием; нет, надо скорее охранять не таких людей, а тех, что занимаются такими занятиями, которые имеют сильный уклон в ту сторону, чтобы люди становились плохими. В этом отношении торговля очень разнообразна и включает в себя всякие подобного рода занятия; мы примем в расчет только те ее виды, которые будут признаны для государства крайне необходимыми. Для этого придется, опять-таки, обратиться законохранителям вместе с лицами, опытными в каждом отдельном виде торговли, подобно тому, как это мы ранее пред-

писали относительно подделки товаров, что сродни этому делу. На этом собрании надо будет рассмотреть, какого рода приход и расход обуславливают торговцу соразмерную прибыль; надо письменно закрепить соотношение расхода и прихода; а за соблюдением этих правил будут следить частью агораномы, частью астиномы, частью агрономы. Приблизительно такая постановка торговли принесла бы пользу для всех граждан и всего менее вредила бы тем, кто в государствах ею занимается.

5

Если кто при заключении договора не выполнит его условий— D
договоры, запрещаемые законами или постановлением народного собрания, исключаются — или как-нибудь несправедливым насилием будет принужден заключить договор; или если кто, несмотря на свою добрую волю выполнить условия договора, встретит к тому препятствия по непредвиденной случайности, то судебное разбирательство этого и всех остальных случаев невыполнения договора будет происходить в судах фил, если только дело не могло ранее разрешиться судом посредников или соседей.

Класс ремесленников посвящен Гефесту и Афине: ведь ремесленники своим общим трудом дают нам возможность жить; Арею и опять-таки Афине посвящены те люди, что своим трудом — иным, оборонительным — сохраняют изделия ремесленников ¹¹⁴ — стало быть, класс и таких людей по справедливости посвящен этим богам. И тот и другой класс постоянно пекутся о стране и о народе: одни правят состязаниями на войне, другие за плату производят орудия и изделия; этим последним не пристало допускать обман в своем труде; пусть они посовестятся богов, своих прародителей. Если же кто из ремесленников зло- 921
стно не выполнит в указанный срок своего заказа; если он ничуть не посовестится при этом своего жизнеподателя-бога, считая что бог, в силу своих отношений к нему, его простит; если он ни на что не обратит внимания своим умственным взором, — то прежде всего его постигнет божий суд; во-вторых, пусть будет установлен следующий закон: стоимость изделия он должен заплатить обманутому им заказчику и снова выполнить в указан-

ный срок заказ, но даром. Принимающему заказ закон дает такой же совет, какой он давал продавцу, именно: не пытаться
В повышать цену, но попросту оценивать свою работу по ее действительной стоимости; так вот, то же самое предписывается и тому, кто берет заказ. Дело в том, что ремесленник знает действительную стоимость своей работы; следовательно, в государствах свободорожденных людей самому ремесленнику никогда не следует хитростью уловлять неопытного обывателя; нет, его ремесло — дело ясное и чуждое по своей природе обмана. А если кто обижен, тот может начать судебное дело против обидчика. Если заказчик не выплатит ремесленнику
C правильно причитающейся ему платы на основании договора, заключенного согласно законам, то есть, если он нанесет бесчестие градодержавцу Зевсу и Афине, причастным государственному строю, иными словами, если он, возлюбив ничтожную выгоду, нарушит великое общение, — тогда, вместе с богами, на помощь единению, связующему государство, пусть придет закон: будет взыскана плата в двойном размере с заказчика, если он не уплатил в договоренный срок платы ремесленнику, а между тем уже получил от него готовый заказ, взамен которого в недалеком будущем следовало бы заплатить. В нашем государстве все
D остальное имущество не приносит процентов, если отдано кем-либо взаймы; но в данном случае заказчик, если истечет год со времени получения им выполненного заказа, должен уплатить и наросшие проценты, именно: с каждой драхмы ежемесячно одну шестую ее часть, т. е. один обол. Судебное разбирательство по этим делам будет происходить в судах по филам.

Раз уже мы вообще упомянули о ремесленниках, то справедливо будет коснуться мимоходом и ремесленников, занятых военным делом, доставляющих своим трудом спасение государству; это полководцы и все те, кто искусен в военном
E деле. Так вот и для них закон, — точно и они своего рода ремесленники, как и вышеупомянутые: кто из них, предприняв полезное для всего государства дело, — все равно, по своей ли доброй воле или по предписанию, — исполнит его прекрасно, тому государство воздаст по справедливости почести, которые служат наградой для военных людей, да и закон неустанно будет его восхвалять; если же этот человек взял ранее на себя

исполнение какого-нибудь прекрасного деяния на войне, но не осуществил его, то он подвергнется порицанию. Итак, пусть будет установлен этот закон, смешанный у нас с похвалой за такие деяния; этот закон не навязывает, но советует широким толпам граждан, оказывать почет, — правда еще не самый высший, — тем хорошим людям, которые являются спасителями всего государства, благодаря ли своему мужеству или своей военной изобретательности. Дело в том, что величайший почетный дар надо предоставить прежде всего тем людям, которые смогли с особенным почетом отнестись к писаниям хороших законодателей.

6

Мы приблизительно изложили главнейшие из деловых отношений, в которые взаимно вступают люди. Остается вопрос о положении сирот и о попечении о них со стороны опекунов. Так вот это-то и придется так или иначе разобрать вслед за вышеизложенным. Здесь надо начать с завещаний, составлять которые бывают склонны люди, близкие к смерти, и с тех случайностей, которые иногда совершенно не дают возможности сделать завещание. Я сказал, Клиний, что здесь необходимо установить порядок, так как я вижу затруднительную и тяжкую сторону этого дела. Действительно, невозможно оставить это неупорядоченным. Если предоставить, чтобы всякое завещание было так-таки попросту действительным, независимо от того, в каком состоянии находился, при его составлении, человек, близкий к концу своей жизни, то получилось бы много различий между отдельными видами завещаний, в них вкрались бы противоречия законам, обычаям еще живущих граждан, да и высказанным ранее мыслям самого завещателя, которых он держался до тех пор, пока не собрался сделать завещание. Дело в том, что большинство из нас впадает в неразумие и расслабленность, когда видит, что смерть близка.

Клиний. Как ты это понимаешь, чужестранец?

Афинянин. Трудно, Клиний, иметь дело с человеком, близким к смерти: он полон ужасных и несносных для законодателя взглядов.

Клинии. То есть?

Афинянин. Он желает распорядиться всеми своими делами
D и поэтому, обычно, гневно отвечает.

Клиний. Что именно?

Афинянин. О боги, какой ужас — говорит он — свое собственное имущество я не в праве отказать или не отказать тому, кому хочу: одному больше, другому меньше, сообразно с тем, насколько плохо или хорошо относились ко мне люди; ведь я это достаточно испытал и обнаружил во время болезней, в старости и при разных других обстоятельствах.

Клиний. Разве тебе не кажется, чужестранец, что он прав?

Афинянин. Мне кажется, Клиний, что древние законодатели
E были слишком снисходительны; да и законодательствовали-то они, взирая и обращая внимание лишь на малую часть человеческих дел.

Клиний. Как так?

Афинянин. Да, друг мой, они побоялись этих слов, и установленный ими закон позволяет так-таки попросту распорядиться своим имуществом, как каждый пожелает. Ну, а мы с тобой
923 как-нибудь иначе, более складно, ответим тем из граждан твоего государства, которые готовятся к смерти.

Друзья — скажем мы им — сегодня вы здесь, а завтра вас нет; трудно вам разобраться в вашем нынешнем имуществе, да и в самих себе, как это советует Пифийская надпись¹¹⁵. И вот я, как законодатель, устанавливаю: вы не принадлежите сами себе, и это имущество не принадлежит вам; все нынешнее поколение и его собственность принадлежит всей совокупности ваших предшествовавших и имеющих последовать
B поколений, а еще более — государству. Раз это так, я не позволю добровольно, чтобы кто-нибудь подкрался к вам, когда вас обуревают болезни или старость, и убедил бы вас сделать завещание вопреки наилучшей цели; нет, я стану законодательствовать, обращая внимание на все то, что наиболее полезно государству в целом и всей совокупности поколений; этой цели я справедливо подчиню интересы каждого отдельного гражданина. А вы, милостиво к нам и благодушно, продолжайте идти по пути, свойственному человеческой природе. Это будет уже

наша задача позаботиться об остальных ваших делах, что мы и сделаем по мере возможности с величайшей тщательностью, не упуская ничего. Вот, Клиний, вступительные наставления, обращенные к еще живущим гражданам или уже близким к своему концу. Закон же будет следующий.

Если у кого есть дети, то, при составлении завещания и распределении своего имущества, следует назначить, по своему усмотрению, первым наследником того из сыновей, кого завещатель сочтет достойным; что касается остальных детей, то пусть в завещании будет точно так же записано, если другой гражданин согласен усыновить кого-нибудь из сыновей. Если же останется у завещателя еще один сын, не приуроченный ни к какому наделу, и если есть надежда отправить его, согласно закону, в колонию, то отцу дозволяется наделить его, чем он хочет, из остального имущества, за исключением наследственного надела и всего, относящегося к наделу, инвентаря. Если сыновей несколько, пусть отец разделит между ними на какие угодно ему части все то, что не входит в состав надела. Однако, нельзя отказывать своего имущества тому сыну, который обзавелся своим домом. Так же точно нельзя отказывать своего имущества и дочери, если она обручена своему будущему супругу; если же не обручена, то можно. Если после составления завещания у кого-нибудь из сыновей или дочерей окажется земельный надел, то пусть они откажутся от причитающейся им по завещанию части имущества в пользу главного наследника по завещанию завещателя. Если у завещателя только дочери и нет потомства мужского пола, то пусть он откажет свой надел зятю по своему выбору, и обозначит его в завещании, как своего сына и наследника. Если у кого умрет сын, собственный или приемный, до достижения того возраста, когда его можно было бы причислить к мужчинам, то завещатель пусть упомянет об этом несчастии и обозначит, кого должно признать его вторым сыном на лучшее счастье. Если завещатель совершенно бездетен, то пусть он изымет десятую часть из своего благоприобретенного имущества и раздаст ее в дар кому хочет; все остальное он должен передать тому, кто им усыновлен, чтобы, согласно с намерением закона, безупречно приобрести себе в нем благодарного сына. Если чьи дети нуждаются в опекунах, то после

смерти завещателя, назначившего детям известное число определенных опекунов по своему желанию, причем эти намеченные им лица добровольно согласились быть опекунами его детей,—
в этот выбор опекунов пусть признается правомочным, согласно тексту завещания. Если кто умрет, совершенно не составив завещания, или упустит указать избранных им опекунов, то опекунами становятся ближайшие родственники с отцовской и материнской стороны: двое со стороны отца и двое со стороны матери; к ним надо прибавить еще одного опекуна из числа друзей покойного. Этим лиц законохранители поставят опекунами над нуждающимися в опеке сиротами. Всеми делами об опеке и о сиротах постоянно ведают пятнадцать самых престарелых законохранителей. Соответственно своему старшинству, они подразделяются на группы, по три законохранителя в каждой, т. е. на этот год первые трое, на другой год следующие трое, пока не будет пройден полный круг всех пяти групп; этой последовательности никогда не надо прерывать, насколько это возможно. Если кто умрет, вовсе не оставив завещания и оставив детей еще нуждающихся в опеке, то те же самые законы примут участие в затруднительном положении его детей.

Если кого постигнет неожиданный несчастный случай, причем останется потомство женского пола, то пусть он извинит законодателя, если тот из трех обязанностей отца выполнит только две, именно выдаст дочерей замуж за лиц, связанных свойством с данным родом, и позаботится о сохранении за ними надела; а вот, что касается третьей обязанности, о которой позаботился бы их отец,—ведь он, считаясь с характером и свойствами всех граждан, стал бы подыскивать подходящего для себя сына, а для своей дочери жениха,—вот это-то законодатель оставляет в стороне, так как ему невозможно произвести подобное рассмотрение. Поэтому пусть будет установлен, по мере возможности, следующий закон для подобных случаев. Если кто умрет без завещания, оставив по себе дочерей, то дочь и надел покойного пусть возьмет единокровный брат умершего, если он не имеет надела. Если нет брата, пусть возьмет точно так же сын брата, если только он и дочь покойного подходят друг к другу по возрасту. Если же нет никого из них, кроме сына сестры покойного, пусть он поступит точно так же. На четвер-

том месте стоит брат отца покойного; на пятом сын—этого брата; на шестом — ребенок сестры отца покойного. Иными словами, если останется женское потомство, всегда надо продолжать род, основываясь на кровной близости, т. е. начинать с братьев и племянников, сперва по мужской линии того же самого рода. О сообразности или несообразности времени вступления в брак будет заключать и решать судья, осматривая лиц мужского пола в нагом виде, а лиц женского пола обнаженными до пояса. Если у членов семьи так мало родственников, что даже нет, с одной стороны, внучатных племянников, а с другой стороны, точно так же нет сыновей деда, тогда дочь покойного пусть выберет, вместе с опекунами, кого-либо из остальных граждан себе в женихи, по своей склонности, если и жених имеет к ней склонность; этот гражданин и станет наследником покойного и супругом его дочери. В самом государстве может встретиться нередко много разных затруднений при выборе таких лиц. Так вот, если дочь, затрудняясь произвести выбор из местных граждан, обращает свои взоры на человека, отправленного в колонию, и ей по сердцу, чтобы именно этот человек стал наследником ее отца, то такой человек вступит во владение наделом, согласно законному порядку, если он в родстве с ней; если же такого между ними родства нет, да и среди граждан, живущих в государстве, у нее тоже нет родных, то он в праве жениться на ней, согласно выбору опекунов и самой дочери покойного, вернуться на родину и получить надел ее отца, раз тот не оставил завещания. Если же скончается, не оставив завещания, человек совершенно бездетный, т. е. не имеющий ни сыновей, ни дочерей, то в этом случае поступают в остальном, согласно вышеуказанному закону; а в его опустелый дом пусть вступят женщина и мужчина из его рода, на правах законных супругов, и надел поступает к ним во владение. Здесь на первом месте стоит сестра покойного, на втором — дочь его брата, на третьем — ребенок сестры, на четвертом — сестра отца покойного, на пятом — дитя брата отца покойного, на шестом — дитя сестры его отца; они будут жить вместе с ближайшими родственниками, согласно правилам, установленным ранее данными нами законами. Не скроем тягостной стороны таких законов; тяжело это предписание, чтобы члены рода

покойного женились на своей родственнице. Повидимому, здесь опускается из виду, что среди людей подобные требования встретят тысячи препятствий; им не захотят повиноваться, скорее соглашаясь подвергнуться чему угодно, чем вступить в брак против воли, в особенности, если потребуется вступить в брак с лицами больными или увечными телесно или духовно. Возможно, некоторым покажется, будто законодатель совсем не взвесил этого. Но это предположение неверно. Итак, в защиту законодателя и тех людей, кому он дает законы, надо предположить, пожалуй, как бы общее вступление, и обратиться к подчиненным с просьбой извинить законодателя, если он в своих работах об общем благе не всегда сможет, вместе с тем, устранить частных несчастий, случающихся с каждым из граждан в отдельности; с другой стороны, надо извинить и тех людей, кому законодатель дает законы, если они иной раз не смогут, естественно, выполнять предписаний законодателя, которые он дает, не считаясь с этими обстоятельствами.

Клиний. Так, как же, чужестранец, было бы всего сообразнее поступить, раз встречаются такие трудности?

Афинянин. Необходимо, Клиний избрать посредников между этими законами и теми людьми, для кого они даны.

Клиний. Что ты разумеешь?

В Афинянин. Иногда бывает, что племянник, сын богатого отца, не хочет добровольно взять замуж дочь своего дяди: он изнежен и рассчитывает на лучшую партию. Иногда бывает, что он вынужден послушаться законодателя, раз от него требуют подчиниться большому несчастью, заставляя его жениться на сумасшедшей родственнице, или обладающей иными несчастными свойствами тела или души, так что, совместно с нею, и жизнь становится не в жизнь. Так вот это наше нынешнее соображение по этому вопросу пусть будет высказано в виде такого закона. Если кто жалуется на действующие законы о завещаниях по поводу ли брака или по какому иному поводу; если кто утверждает, что сам законодатель, будь он здесь и будь он жив, никогда не принудил бы к такому поступку, т. е. к женитьбе или выходу замуж, а между тем теперь законы принуждают к этому,— то на это кто-нибудь из членов семьи или из опекунов может возразить, что законодатель назначил пятна-

дцать законохранителей посредниками и отцами для сирот обоого пола. К этим-то законохранителям и надо обращаться для раз- D
бора всякого сомнительного вопроса, и их решение подлежит исполнению. Если кто найдет, что этим придается слишком большое значение законохранителям, пусть он перенесет дело в суд избранных судей, чтобы они разобрали сомнительные стороны вопроса. Кто проиграет дело, тот подвергается порицанию и поношению со стороны законодателя; для человека с умом это более тяжкое наказание, чем огромная денежная пеня.

8

А теперь поговорим как бы о вторичном рождении сирот. Ведь о вскармливании и воспитании их после первого их ро- E
ждения была речь выше. После вторичного их рождения, когда они лишились родителей, следует подумать, каким образом сиротская доля станет как можно менее жалкой и несчастной для осиротевших. Прежде всего, говорим мы, закон дает им, вместо родителей, законохранителей в качестве не худших отцов. К тому же мы предпишем законохранителям постоянно заботиться о сиротах, как о членах своей семьи; к законохранителям и к опекунам обратились мы с подходящим вступлением относительно взращивания сирот. Мне кажется, мы кстати упомянули в предшествующей беседе о том, что души покойных сохраняют 927
и после кончины какую-то способность заботиться о человеческих делах. Этот взгляд верен, но с ним связаны сложные вопросы. Относительно этого надо верить остальным преданиям, столь многочисленным и чрезвычайно древним. С другой стороны, надо верить и законодателям, что дело обстоит именно так. Законохранители и опекуны должны прежде всего страшиться вышних богов, которые замечают покинутость сирот; B
затем следует страшиться душ почивших, природе которых свойственна чрезвычайная заботливость о своих потомках. Эти души благосклонны к тем, кто их почитает, а к тем, кто их не почитает, — неблагосклонны. К тому же надо страшиться душ людей живущих, достигших старости и величайшего почета; ведь где

благоденствует благозаконное государство, там их любят дети их детей и живут отрадно; эти люди чутко прислушиваются к положению сирот, зорко смотрят за ними, благосклонны к тем, кто справедливо относится к сиротам, и в особенности ненавидят тех, кто нагло поступает с покинутыми сиротами; сирот считают они самым великим и самым священным залогом. Опекуну и правителю следует обо всем этом поразмыслить — если они хоть немного могут мыслить — и соблюдать осторожность в вопросах возвращения и воспитания сирот, всячески оказывая последним всякие благодеяния по мере сил; этим он как бы делает взнос в свою пользу и в пользу своих детей. Кто послушен сказанию, предпосланному закону; кто не совершил ничего наглого по отношению к сиротам, тому не придется воочию познакомиться с гневом законодателя по этому поводу. Зато ослушник, допустивший несправедливость по отношению к сироте, оставшемуся без отца и матери, возместит весь понесенный им убыток вдвойне, по сравнению с тем, что он должен был бы возместить, если бы он обидел ребенка, у которого живы и отец и мать.

Что касается прочего законодательства об отношении опекунов к сиротам, о попечении правителей над опекунами, то если бы у них не было образца для возвращения свободорожденных детей и тех приемов, которые они применяют, возвращая сами своих детей и заботясь о своих домашних имущественных делах, — сюда можно было бы добавить соответственным образом составленные законы как раз об этом самом, — тогда еще имело бы некоторый смысл установить об опекунстве какие-нибудь законы, имеющие много своеобразных особенностей, с тем, чтобы они внесли свои разнообразные отличия в уклад жизни сирот по сравнению с не-сиротами. Но ведь теперь у нас положение сирот не очень-то отличается во всем этом от положения детей, имеющих родителей; напротив, в смысле почета и бесчестия, заботливости, положение детей, имеющих родителей, совершенно несравнимо с положением сирот. Вот именно поэтому-то закон и отнесся с особою ревностью к законодательству, касающемуся сирот, и прибег к увещаниям и угрозам. Очень уместна была бы еще и следующая угроза: кто созоит опекуном над девочкой или мальчиком и кто из законоохрани-

телей стоит на страже над опекуном и печется о нем, тот должен любить ребенка, которому выпало на долю сиротство, не меньше, чем своих собственных детей. И об имуществе воспитанника он должен заботиться не хуже, чем об имуществе членов своей семьи; желательно даже, чтобы он более ревностно заботился об имуществе воспитанника, чем о своем собственном. Всякий опекун должен действовать, руководясь этим одним законом о сиротах. Если же кто станет действовать иначе в этих вопросах, т. е., вопреки этому закону, то опекуна наказывает правитель, а правителя опекун может привлечь к суду избранных судей и наказывает его пеней, вдвое большей против той, что назначена судом. Если окажется, что опекун небрежен или причиняет зло членам своей семьи или кому-нибудь из остальных граждан, его привлекают в этот же самый суд; причиненный ущерб он возмещает вчетверо, причем половина этой суммы поступает в собственность ребенка, а другая в пользу того, кто возбудил судебное дело. Лишь только сирота достигнет зрелости, он может, если считает, что его плохо опекали, привлечь к суду своих опекунов за дурную опеку, в течение пяти лет после истечения срока опеки. Если в этом будет уличен кто-нибудь из опекунов, суд решает, какому наказанию его подвергнуть. Если правитель будет уличен в том, что своим небрежением он повредил сироте, суд решает, что ему придется выплатить ребенку; если же правитель изобличен в несправедливости, то, сверх пени, его отстраняют от правительственной должности законохранителей. Общее собрание граждан поставляет, взамен него, другого законохранителя для страны и для государства.

9

Несогласия отцов со своими детьми и детей с родителями происходят в больших размерах, чем нужно. При этом отцы сочли бы, что законодатель должен установить такой закон: отцу разрешается, если пожелает, оповестить всех при помощи глашатая, что он отрекается от сына, так что, согласно закону, он уже не его сын; а сыновья ожидали бы, что им будет позволено обвинить отца в безумии, когда он разбит болезнями или

старостью. Так, действительно, бывает обычно там, где нравы людей совершенно никуда негодны. А когда беда лишь на половину, например: отец не плох, а только сын плох — или наоборот, — тогда не встречается таких несчастий, и нет такой огромной вражды. В государствах с другим строем сын, от которого отец публично отрекся, не неизбежно выбывает из государства. Но при нашем государственном строе, где будут действовать эти законы, сыну, таким образом лишившемуся отца, неизбежно придется выселиться в другую страну. Дело в том, что ни одной семьи нельзя прибавить к пяти тысячам сорока семьям. Поэтому не только один отец, но и весь род должен отречься от такого человека, раз ему придется по праву подвергнуться такой участи. Здесь следует поступать согласно такому закону: кого охватила — все равно, по праву ли, или нет — во всяком случае несчастная страсть освободиться от родственных уз с тем, кого он породил и возрастил, тому не разрешается осуществить это так-таки попросту и сразу; нет, сперва пусть он соберет свою родню, вплоть до двоюродных братьев и сестер, а равным образом и родню своего сына со стороны матери. Перед ними пусть он выскажет свои обвинения и покажет, что сын действительно заслуживает, чтобы от него публично отреклись все члены рода; пусть и сыну будет предоставлено слово, притом в равной степени, чтобы он мог показать, что он вовсе не заслуживает подобного к нему отношения. Если отцу удастся убедить родственников и он получит за себя более половины их голосов, — причем не считаются голоса отца, матери и обвиняемого, из остальных же могут голосовать лишь достигшие зрелости женщины и мужчины, — то, при соблюдении этих правил, отцу разрешается только таким образом публично отречься от своего сына, но никак не иначе

Никаким законом не запрещается усыновить сына, от которого отреклась родня, если кто из граждан пожелает это сделать. Дело в том, что характер молодых людей обычно подвергается многим переменам в продолжение жизни. Если в течение десяти лет никто не пожелает усыновить того, от кого отреклась родня, то попечители о потомках, предназначенных для отправления в колонию, должны позаботиться о таких людях, чтобы они должным образом приняли участие в этой колонии.

Если кто, под влиянием какой-нибудь болезни, старости, тяжелого нрава или всего этого вместе взятого, станет сильно отличаться от большинства людей своим неразумием, причем для остальных это незаметно, и лишь члены его семьи, живущие с ним вместе, могут это заметить; или если он владеет всеми своими способностями, но разоряет свою семью, а сын стесняется и медлит возбудить против него в суде обвинение в слабоумии,— то на этот случай устанавливается закон: прежде всего сын должен обратиться к самым престарелым из законохранителей и изложить им несчастье своего отца; законохранители, достаточно рассмотрев это дело, посоветуют ему, надо ли ему возбуждать такое обвинение или нет; если они посоветуют это сделать, они одновременно становятся и свидетелями против обвиняемого и, вместе с тем, членами суда. Признанный слабоумным делается на остальное время неправомочным распоряжаться своею собственностью, даже в мелочах, и остальную свою жизнь проводит на положении ребенка.

10

Если муж и жена совершенно не подходят друг к другу из-за несчастных особенностей своего характера, то такими делами всегда должны весть десять законохранителей, среднего возраста¹¹⁶, точно так же и десять женщин из числа тех, что ведают браками.⁹³⁰ Если супруги могут примириться, их примирение будет иметь законную силу. Если же их душевные бури вздымаются выше их самих, надо, по возможности, отыскать для каждого из них подходящих сожителей. Конечно, такие супруги отличаются вовсе не кротким нравом. Вот и нужно попробовать соединить с ними характеры, более глубокие и более кроткие. Если супруги находятся в разногласии между собою и, к тому же, бездетны или у них мало детей, то к такому сожительству следует прибегнуть и ради детей. Если же количество детей достаточно, то расторжение брака и новое его заключение следует произвести ради забот друг о друге в старости. Если жена скончается, оставив детей и женского и мужского пола, то устанавливается закон не принудительный, но в виде совета, чтобы

отец возвращивал оставшихся детей, не вводя в свой дом мачехи. Если детей нет, необходимо вступить в новый брак, пока не народится достаточное количество детей для семьи и для государства. Если же муж умрет, оставив достаточное количество детей, то мать пусть продолжает жить в доме умершего мужа и пусть возвращивает детей. Если же она кажется слишком молодой для того, чтобы без вреда для здоровья оставаться без мужа, то ее близкие должны переговорить с женщинами, заботящимися о брачных делах, и исполнить то, что будет решено ими и этими женщинами. Если у молодой жены нет детей, то она должна вступить в брак ради детей. Мальчик и девочка уже признаются со стороны закона достаточным количеством детей. Если родители согласны признать своим родившееся дитя, но еще нужно решить, кому из родителей надо отдать ребенка, то при связи рабыни с рабом или свободорожденным человеком или вольноотпущенником, во всяком случае ребенок признается принадлежащим хозяину рабыни; если же свободорожденная женщина соединится с рабом, ребенок принадлежит хозяину раба. Если ребенок родится от собственной рабыни или от собственного раба, причем это обстоятельство совершенно явно, то ребенка, прижитого свободорожденной женщиной от раба, женщины пусть отошлют в другую страну вместе с его отцом; ребенка же свободорожденного человека, прижитого от рабыни, законохранители пусть отправят вместе с его матерью.

11

Пренебрегать родителями не посоветует никому ни один бог и ни один человек, обладающий разумом. Надо усвоить, что следующее вступление относительно попечения о богах является правильно постановленным и по отношению к почитанию или непочитанию родителей. Древние законы относительно богов 931 установлены у всех двояко. Мы явно почитаем тех богов, которых видим; других богов мы почитаем в изображениях, воздвигая им кумиры, причем считаем, что этим своим почитанием кумиров, хотя они и неодушевлены, мы снискиваем великое благорасположение и милость у богов одушевленных. Так вот,

у кого в доме есть драгоценный клад в виде отца, матери или их родителей, обремененных старостью, тот не должен думать, будто у него может появиться более значительный кумир богов; нет, родители в его доме составляют святыню его очага, если владелец дома правильным образом оказывает им попечение.

Клиний. А в чем же состоит эта правильность?

B

Афинянин. Об этом я сейчас и скажу, потому что, друзья мои, подобные вещи сто́ит послушать.

Клиний. Только бы ты говорил!

Афинянин. Мы утверждаем, что Эдип, покрытый бесчестием, взмолился о той участи для своих детей, которая их и постигла, т. е. он был услышан богами, как об этом все твердят¹¹⁷; разгневанный Аминтор проклял своего сына Финика¹¹⁸, Фесей — Ипполита. Можно было бы привести бесчисленное множество таких примеров, из которых явствует, что боги внимают родителям в их мольбах против детей. Действительно, как ни что другое, справедливо проклятие родителя своим детям. Раз бог внимает покрытому бесчестием отцу или матери в их мольбах против детей, то неужели можно считать неестественным, если отец, чрезвычайно обрадованный почтением со стороны своих детей; станет, поэтому, в своих молитвах неустанно желать им всякого добра, а следовательно, боги равным образом внемлют этой молитве и, думая, мы, уделят нам это благо. Иначе боги не были бы подателями всяких благ, что, как мы утверждаем, всего D менее подобает богам.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Так поразмыслим же над тем, что мы немного ранее сказали: у нас не может быть никакого кумира, более ценного пред лицом богов, чем отец или дед, согбенные старостью; такое же значение имеет и мать. Если человек их почитает, бог радуется; иначе он не вял бы им. Чудесная это у нас святыня, наши предки, в особенности по сравнению с неодушевленными E кумирами. Первые, т. е. одушевленные, присоединяют свои молитвы к нашим, если мы оказываем им попечение, и не присоединяют, если их не почитают; а кумиры не делают ни того, ни другого. Стало быть, человеку правильно надо прибегать к отцу, к деду и всем тому подобным лицам, раз у него есть такие, самые значительные из всех кумиров, для боголюбивой участи.

Клиний. Прекрасно сказано!

Афинянин. Всякий человек, имеющий разум, боится молитв родителей и почитает их, так как знает, что у многих и много раз они исполнялись. Раз это природой устроено именно так, то для хороших людей находка — престарелые предки, достигшие крайних пределов жизни, а их ранний уход из жизни — потеря; для людей же дурных такие предки очень и очень страшны. Поэтому пусть теперь всякий, поверив нашим словам, оказывает всяческий почет своим родителям.

Если же кто будет глух к взглядам, выраженным в подобных вступлениях, то правильно было бы установить следующий закон на этот случай: если кто в этом государстве пренебрежет своим долгом к родителям; если кто не станет допускать и исполнять все их желания скорее, чем желания своих сыновей, всех своих детей и даже чем свои собственные, — пусть пострадавший известит, сам или через посланного, трех самых престарелых законохранителей и, с другой стороны, трех женщин, попечительниц браков. А они позаботятся и накажут обидчиков побоями и заключением, если те молоды, т. е. мужчин до тридцати лет; а женщин и еще на десять лет старше можно подвергать этим самым наказаниям. Если же люди, перешедшие за этот возраст, не отступят от небрежности по отношению к родителям, не станут причинять им зло, они привлекаются к суду ста одного самых престарелых граждан. Этот суд решит, какому наказанию должен подвергнуться виновный; при этом не запрещаются никакие взыскания, которым можно подвергнуть человека, и никакие пени.

Если же терпящие зло родители не в силах известить, то пусть всякий узнавший об этом гражданин из числа свободорожденных людей уведомит правителей; в противном случае он будет признан плохим гражданином, и всякий желающий может его привлечь к суду за вредный образ действия. Если донесет об этом раб, он получает вольную; если этот раб принадлежит обидчику или обижаемому, правительство отпускает его на свободу; если же он принадлежит кому-нибудь другому из граждан, государственная казна выплачивает его стоимость владельцу. Пусть правители позаботятся, чтобы никто его не обидел из мести за донос.

Что касается того вреда, который люди причиняют друг другу ^Е при помощи разных снадобий, то мы уже разобрали вопрос о смертоносных ядах. Но еще остался вовсе не разобранным вопрос о разных других способах наносить вред при помощи напитков, яств, мазей, если человек добровольно и с заранее обдуманным намерением прибегает к нему. Дело в том, что есть два вида отрав, применяемых человеческим родом; это-то обстоятельство и затрудняет внести в этот вопрос определенность. Тот вид, о котором мы только что высказались с полной определенностью, заключается в естественном нанесении одним телом вреда другому. Другой вид — при помощи ворожбы, зачаровывающих песен и так называемых пут убеждает людей, ⁹³³ отваживающихся таким путем наносить вред, в том, что они действительно в состоянии это сделать, а других в том, что они понесли вред всего более именно со стороны людей, умеющих кудесничать. Трудно узнать, что именно бывает обычно при этом и тому подобном; впрочем, даже если кто и узнает, трудно убедить других. Не стоит даже пробовать убедить души людей, подозревающих друг друга в этом; если они увидят вылепленные ^В из воска воспроизведения где-нибудь у дверей, на перекрестках, или у могильных памятников их родителей, не стоит советовать им не обращать на это внимания: ведь у них такие неясные представления о всем этом!

Разделим на две части закон об отраве и ворожбе, соответственно с тем, к какому виду ворожбы или отравы человек прибегает. Прежде всего надо просить, увещевать и советовать, что не следует пытаться это делать и устрашать большинство робких, ^С точно дети, людей; с другой стороны, не следует заставлять законодателя и судью врачевать подобные людские страхи; ведь пытающийся отравлять и ворожить не знает, что он делает с телом, раз он не сведущ в врачевании; это опять-таки касается и ворожбы, раз человек не является прорицателем и предвозвестником. Закон же об отравлении и ворожбе будет иметь такое словесное выражение: кто применяет отраву не с целью причинить смерть человеку или его людям, но с целью на- ^Д

нести иной вред и даже смерть его стадам, или роям пчел, то, если отравитель врач и будет уличен судом в отравлении, он будет наказан смертью. Если же это обыватель, то суд решит, какому наказанию его подвергнуть или что он должен уплатить.

Е Если окажется, что человек, при помощи уз, заговоров, каких-то зачаровывающих песен, уподобился наносящему вред, то пусть он умрет, если он прорицатель или предвозвестник. Если же он чужд прорицательского искусства и будет уличен в ворожбе, то пусть и его постигнет то же самое, что и отравителя из числа обывателей; пусть суд решит, какому наказанию его следует подвергнуть.

Что касается вреда наносимого друг другу воровством или насилием, то чем больше вред, тем больше и возмещение убытков в пользу пострадавшего, а чем меньше, тем меньше и наказание. Говоря вообще, наказание должно равняться причиненному ущербу. С целью возмещения убытков, за каждое злодеяние надо расплачиваться последующим возмездием, ради вра-
934 зумления. Возмездие будет легче, если злое деяние совершено по неразумию, или если преступник молод и его побудил на преступление кто-либо другой и тому подобное; тяжелее, если преступление совершено по благоприобретенному особому неразумию, из-за невоздержанности в наслаждении или скорби, из-за трусливого страха, каких-нибудь страстей, зависти, трудноисцелимого гнева. Его постигнет правосудие не за совершенное злодеяние — ведь совершившееся никогда не может стать несовершенным, — но ради того, чтобы в будущем преступник совершенно возненавидел несправедливость, а также и все те, кто видел суд над ним, для облегчения, во многих отношениях, подобного несчастья. Ради всего этого законы должны, имея в виду все тому подобное, целить на подобие хорошего стрелка, чтобы определить размер наказания за каждый проступок в отдельности и вообще принудить преступника к тому, чего он заслуживает. Судья занимается этим же самым делом и должен помогать законодателю, когда суду предоставляется законом решить, чему подвергнуть подсудимого или что с него взыскать.

А законодатель, точно живописец, должен описать дела, следующие за его писанием. Так вот, Мегилл и Клиний, нам теперь
C надо именно это и сделать, как можно прекраснее и лучше. Нам

надо указать те наказания, которые должны быть за воровство и всякие насилия, чтобы боги и дети божьи предоставили нам законодательство.

13

Сумасшедшие не должны показываться в городе. Их близкие пусть охраняют их в своем доме, как умеют; в противном случае, должны будут уплатить пеню: принадлежащий к самому высшему классу — сто драхм, если он оставляет без при- D
смотра раба или свободорожденного; принадлежащий ко вто-
рому классу — четыре пятых мины; третий класс — три четверти
мины; две трети — четвертый. С ума сходят многие и по раз-
ному; одни, о которых мы и говорим, из-за болезней; бывает
это из-за плохой природы духа или воспитания; другие, при
возникновении незначительной неприязни, сильно возвышают
голос и начинают поносить и ругать других. Ничего подобного
и ни в каком отношении не должно проходить безнаказанно E
в государстве.

Относительно злословия пусть будет один закон для всех, именно следующий: пусть никто никого не злословит. Если же в разговоре люди расходятся во мнениях, то надо их понять и научить как противника, так и всех присутствующих, воздерживаясь всячески от злословия. Дело в том, что из расхождения во мнениях и из желания противнику неудачи возникает женская привычка обзывать друг друга позорными наименованиями; таким образом, из-за пустяка, из-за легковесных сначала слов про- 935
истекает на деле ненависть и вражда самая тяжкая. Спорщик с приятностью отдается неприятному чувству, т. е. гневу; своей злобе он дает плохую пищу; снова дикой становится та часть его души, которая была некогда укрощена воспитанием; озверев, живет он в раздражении; зато он получил горькую приятность гнева. Опять-таки все привыкли при спорах часто переступать границы и подымать на смех своего противника. Кто V
к этому привык, тот или вовсе теряет серьезность характера, или во многом губит возвышенный склад своего ума. Поэтому в священных местах никто не должен никогда произносить ничего подобного, точно так же и при общенародных жертвопри-

ношениях, на состязаниях, на торговой площади, в суде и в общих собраниях. Правитель, ведающий этими делами, пусть карает каждого провинившегося невозбранно. Иначе ему нет места в соревновании в отличиях, так как он не заботится о законах и не исполняет предписаний законодателя. Если кто в других местах начнет ругаться, хотя бы даже обороняясь и не удержится от таких слов, то пусть на защиту закона выступит первый попавшийся старик, пусть он ударами, т. е. другой бедой, изгонит тех, что склонны к гневу; иначе он подвергнется установленному наказанию.

Мы сейчас сказали, что человек не может не искать повода поднять на смех своего противника, когда он его поносит; но мы поносим, когда это сопровождается гневом. Но как же так? Ведь и сочинители комедий стремятся подымать людей на смех; допустим ли мы их выступления, если они без гнева будут у нас высмеивать в комедиях граждан? Или мы разграничим здесь две стороны: забаву и ее противоположность. Для забавы дозволяется всякому говорить о любом человеке смешные вещи, но без гнева; а тому, кто это делает неприязненно и с гневом, это не будет разрешено, как мы и сказали. Этого вопроса никак нельзя оставить в стороне; надо определить законом, кому это разрешается делать, а кому нет. Комическому, или ямбическому поэту, или служителю напевных муз не разрешается вовсе высмеивать кого-либо из граждан ни в словах, ни в жестах, все равно, делается ли это с гневом или без гнева. Ослушника афлотеты¹¹⁹ исключают из страны непременно в тот же день; иначе они должны будут заплатить три мины, посвящаемые тому богу, в честь кого происходило состязание. А что касается тех лиц, что могут, как мы сказали ранее, делать это друг над другом, то им разрешается такое высмеивание — однако, если только оно совершается без гнева, лишь как забава. Всерьез и с гневом — не разрешается. Распознавание здесь поручается попечителю об общем воспитании молодежи; что он одобрит, то автор может использовать публично; что он забракует, того автор не должен показывать никому и обнаруживать, что он этому научил другого, раб ли то или свободорожденный человек; в противном случае он будет признан плохим гражданином и ослушником законов.

14

Сострадание вызывает не тот, кто голоден или испытывает что-нибудь подобное, но тот, кто здравомыслен или обладает какою-нибудь добродетелью или ее частью, а между тем еще и находится в несчастьи. Поэтому было бы удивительно, если бы человек с такими качествами оказался в полном пренебрежении, так что дошел бы до крайней нищеты — причем все равно, раб ли это или свободорожденный — в государстве с хотя бы мало-мальски устроенными государственными порядками. Поэтому законодателю надо установить какой-нибудь такой неизблемый закон: нищих совсем не будет в нашем государстве; если кто попытается нищенствовать, снискивая себе пропитание нескончаемыми просьбами, того с торговой площади прогонят агораномы, из города — астиномы, а из остальной страны агрономы вышлют его за пределы государства, чтобы страна совершенно очистилась от подобных лиц.

Если раб или рабыня причинят вред в чем-либо чужому имуществу по своей неопытности или каким-нибудь иным видом нездравомыслия, и не по вине самого пострадавшего, то хозяин нанесшего вред раба должен или исправить, не скупясь, нанесенный вред, или передать пострадавшему самого раба, нанесшего ему вред. Если же хозяин, к которому предъявлено обвинение, станет утверждать, что это обвинение ему предъявлено для того, чтобы отнять у него раба, т. е. что это вообще уловка со стороны нанесшего вред раба и лица пострадавшего, то пусть он привлечет к суду того, кто заявил о злостно нанесенном ему вреде. Если он выиграет дело, то получит вдвойне стоимость раба по оценке суда; если проиграет, то должен возместить нанесенный вред, а также передать и раба. Точно так же надо возместить вред, причиненный соседу вьючным животным, лошастью, собакою или другими домашними животными.

Если кто не хочет добровольно явиться свидетелем на суде, его вызывает нуждающийся в свидетелях; после вызова он должен явиться в суд; если он знает что-нибудь по делу и может дать свидетельские показания, пусть будет свидетелем; если же он заявит, что ничего не знает, то должен поклясться тремя богами: Зевсом,

937 Аполлоном и Фемидой, что он действительно ничего не знает; тогда он отпускается из суда. Вызванный же для дачи показаний, но не явившийся по приглашению лица вызывавшего, ответствен по закону в нанесенном вреде. Если же кто выставляет в качестве свидетеля кого-нибудь из судей, то судья, после дачи показаний, уже не имеет права голоса в этом деле. Свободорожденной женщине разрешается быть свидетельницей, выступать в качестве защитницы—если ей уже минуло сорок лет—и вести судебное дело, если у нее нет мужа. А при жизни мужа ей разрешается только выступать в качестве свидетельницы. Рабу, в рабыне и ребенку разрешается быть свидетелями и выступать в качестве защитников лишь по делам об убийстве, если только они представят достойного поручителя в том, что они не уклонятся от суда, если свидетельство будет признано ложным. Каждый из тяжущихся противников может, до окончательного разрешения суда, обвинить в ложных показаниях и весь состав свидетелей и часть их; обвинения той и другой стороны хранятся у правителей за печатью и доставляются, когда идет разбор правдивости или ложности свидетельских показаний. Если кто будет дважды уличен в лжесвидетельстве, то закон далее уже не привлекает его для дачи свидетельских показаний; если же трижды— он лишается права впредь давать свидетельские показания. Если же пойманный трижды в лжесвидетельстве осмелится выступать со свидетельскими показаниями, то пусть доносит на него правителям всякий желающий. Правители предадут его суду; если он окажется виновным, будет наказан смертью. Если судом будет установлена ложность показаний тех свидетелей, что обеспечили победу выигравшему судебное дело, причем количество таких лжесвидетелей окажется больше половины, то судебное дело, выигранное при таких условиях, признаётся недействительным и спорным, и производится его пересмотр, — все равно, вынесено ли решение при этих условиях, или нет. В чью бы пользу оно ни было решено, так пусть и будет, и этим заканчивается предшествующее дело.

Хотя есть много прекрасного в жизни человеческой, но к очень многим вещам как бы приросли разрушительные недостатки, которые пятнают и марают их красоту. Да вот хотя бы правосудие — какое это прекрасное явление среди людей! Оно смяг-

чило все людские отношения. Раз оно так прекрасно, каким же образом не быть у нас прекрасным и правозаступничеству? Но, несмотря на это, какой-то злостный поклеп, укrywшийся за прекрасным знаменем искусства, утверждает прежде всего, что есть особая уловка в судебных делах, состоящая в том, что, судясь самому или заступаясь на суде за другого, можно выиграть дело, независимо от того, прав ли человек в своей поступке, или нет. Если хорошо заплатишь, то получишь в подарок это искусство и построенные на нем речи. Так вот, нам в нашем государстве надо в особенности не допускать проникновения этого что ли искусства, или не искусства, а приема, приобретаемого опытом и постоянным навыком. Надо или, чтобы оно послушалось просьб законодателя и не высказывалось бы против права; или лучше, чтобы оно отправилось в другую страну. Послушных закон обходит молчанием, для ослушников же он гласит: если окажется, что человек пытается отворотить в противоположную сторону сознание справедливости в душах судей и растягивает судебное дело или некстати выступает с правозаступничеством, то всякий желающий может обвинить его в злоупотреблении судом или в злонамеренном правозаступничестве. Тогда дело решается в суде избранных судей; если виновный будет уличен, суд оценивает, что побудило виновного к такому поступку: корыстолюбие или честолюбие; если окажется, что честолюбие, то суд определяет, на какой срок виновный лишается права выступать в суде или быть правозаступником; если же корыстолюбие, то иностранец должен покинуть страну и никогда больше не возвращаться — иначе он будет наказан смертью; горожанин же должен умереть за свое корыстолюбие, которое он ценил выше всего. Смертная казнь назначается и в том случае, если кто будет признан вторично действовавшим под влиянием честолюбия.